

О ПОМОЩИ РОССИИ В СОЗДАНИИ НЕЗАВИСИМОГО ГРЕЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА (1829—1831 гг.)

Одним из важных этапов в истории взаимоотношений России с Грецией являются русско-греческие отношения в период национально-освободительной войны греческого народа против турецкого господства.

Решающее влияние на борьбу греческого народа, начавшуюся в 1821 г., оказала, как известно, русско-турецкая война, возникшая в апреле 1828 г. Она отвлекла главные силы Османской империи и позволила грекам освободить территорию своей страны. Адрианопольский мирный договор 1829 г. предоставил Греции широкую автономию. В феврале 1830 г. Греция была объявлена независимым государством.

На протяжении всего периода национально-освободительного движения в Греции Россия оказывала активную поддержку борющемуся греческому народу. Царское правительство при этом стремилось решить и свои собственные задачи, сводившиеся к тому, чтобы ослабить влияние Турции на Балканах, обеспечить быстро развивающимся южным районам России свободные торговые связи со Средиземным морем, одним словом, разрешить сложную политическую проблему, известную под названием «восточного вопроса». Тем не менее политика русского правительства, особенно в период ее наибольшей активизации (1826—1830 гг.), сыграла объективно положительную роль для судеб национально-освободительной борьбы греческого народа. Энгельс, отвечая на вопрос о том, кто решил исход борьбы восставших греков, подчеркивал: «Не янинский папа Али со всеми его заговорами и митежами, не битва при Наварине, не французская армия в Морее, не лондонские конференции и протоколы, а русская армия Дибича, перешедшая Балканы и вступившая в долину Марицы»¹.

Настоящая публикация вводит в научный оборот новые исторические документы, характеризующие роль России в освободительной борьбе греческого народа на последнем ее этапе, в период завершения русско-турецкой войны и становления Греции как национального суверенного государства (1829—1831 гг.). В этот период (до октября 1831 г.) во главе греческого государства находился видный общественный и государственный деятель, стойкий поборник русско-греческой дружбы Иоанн Каподистрия, который до этого в течение ряда лет занимал видные дипломатические посты в России и поддерживал тесные личные связи с русскими правящими кругами. Убийство Каподистрии в октябре 1831 г., организованное английской дипломатией, явилось большой утратой для молодого греческого государства.

Публикуемые документы представляют собой в основном переписку И. Каподистрии с министром иностранных дел России К. В. Нессельроде и русскими дипломатическими агентами в Греции М. Н. Булгари и В. Н. Паниным, а также переписку Нессельроде с названными дипломатами. Документы освещают русско-греческие отношения в связи с двумя очень важными для Греции этого периода проблемами: вопросом о государственных границах создаваемого греческого государства и вопросом об экономической помощи Греции со стороны трех держав.

Из документов явствует, что английские и французские агенты в Греции уже в 1829 г., опираясь на английский флот и французский экспедиционный корпус, всячески препятствовали распространению власти греческого правительства на очищаемые

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 32.

от турецких войск области Греции (док. 4, 5). Тем самым Англия и Франция стремились фактически сузить территориальные пределы создаваемого греческого государства.

Известно, что и в дальнейшем англичане и французы всячески препятствовали воссоединению в едином греческом государстве многих исконно греческих территорий. По настоянию англичан и поддержавших их французов в 1830 г. в состав Греции не были включены такие греческие территории, как остров Крит и области Акарнания, Этолия, Фессалия. Ионические острова оставались в руках англичан до 1864 г.

Что же касается России, то она полностью поддерживала стремление греков добиться воссоединения всех греческих земель в едином государстве. Известно, например, указание русского правительства командирующей русской эскадрой в Средиземном море вице-адмиралу Гейдену способствовать стремлениям греков «распространить свои границы на запад, восток, север и Архипелаг настолько, насколько это им необходимо для образования прочного и крепкого государства»². Как явствует из переписки Каподистрии с Нессельроде (док. № 4, 5, 7), греческое правительство, со своей стороны, также возлагало основные надежды при решении вопроса о греческом государстве на Россию. Русская дипломатия во время происходивших в 1829 и 1830 гг. в Лондоне переговоров трех держав по греческому вопросу постоянно выступала в защиту греческих территориальных интересов.

По мере освобождения территории Греции, разоренной восьмилетней войной, для греческого правительства все большую остроту приобретал вопрос об экономической помощи Греции со стороны трех держав. Западные державы использовали экономическую слабость Греции с целью постоянного давления на ее правительство. Греческое правительство намеревалось добиться крупных займов в западных странах на основе трехсторонней гарантии правительств России, Англии и Франции. Подобная гарантия нейтрализовала стремления западных стран к экономическому закабалению Греции. Россия настойчиво поддерживала просьбу Греции о предоставлении займа, но западные державы всячески затягивали решение этого вопроса. В создавшейся обстановке русское правительство пошло на предоставление Греции значительных субсидий (док. № 1, 2, 3). Оказываемая Россией финансовая помощь использовалась, как видно из публикуемых документов, на строительство школ, помощь мелким хозяевам и т. д. (док. № 6).

По имеющимся данным, финансовая помощь, полученная греческим правительством от правительства России в течение 1827—1830 гг., составила 3,5 млн. фр., не считая средств, предоставленных русской православной церковью. Кроме того, в эту сумму не входят постоянные вспомоществования, которые оказывались греческому населению в течение всех лет войны и после нее русскими дипломатическими и консульскими агентами.

Как видно из публикуемых документов, большая и всесторонняя поддержка со стороны России способствовала скорейшему превращению Греции в независимое государство, что еще больше укрепляло традиционные узы дружбы между русским и греческим народами.

Все публикуемые документы хранятся в Архиве внешней политики России.

О. В. Василенко

№ 1

Письмо русского дипломатического агента в Греции М. Н. Булгари И. Каподистрии о поддержке русским правительством греческой просьбы о займе

Эгина, 10 (22) февраля 1829 г.

Я испытываю истинное удовольствие от того, что могу информировать Ваше превосходительство о том, что император, мой августейший повелитель, желая вновь

² Г. Палеолог, М. Сивинис. Исторический очерк народной войны за независимость Греции. СПб., 1867, стр. 145.

засвидетельствовать Вам свое высочайшее благоволение, поспешил поддержать перед кабинетами Парижа и Лондона просьбу о займе, с которой Ваше превосходительство обратился ранее к трем союзным дворам через своих полномочных представителей.

Мало того, его императорское величество даже предложил, чтобы этот заем был гарантирован только Россией и Францией, если английское правительство не сочтет возможным сотрудничать в данном случае с обоими Союзными дворами в выполнении ими своих благородных целей.

Доводя до Вашего сведения, г-н граф, это благосклонное намерение императора, я отнюдь не сомневаюсь, что оно будет встречено греческим правительством как новое свидетельство горячего и искреннего сочувствия, которое вызывает у его императорского величества благополучие и судьба Греции.

АВПР, ф. Канцелярия, 1829 г., д. 396, л. 219. Копия на французском языке.

№ 2

Письмо И. Каподистрии министру иностранных дел России К. В. Нессельроде с просьбой о предоставлении Греции финансовой помощи

Эгина, 14(26) февраля 1829 г.

Дорогой граф, я пишу Вам частное письмо потому, что не могу найти время для переписки с Вами полуофициальным образом. Я, как обычно, обременен делами, хлопотами, неприятностями и вдобавок плохим состоянием здоровья. Тем не менее я стараюсь выполнять свои обязанности и главное не отступать перед окружающими меня трудностями.

Господин Рибопьер¹ пишет мне 29 января (10 февраля) из Навплии, сообщая о сведениях, которые Вы ему передали в конце декабря. Господин граф Булгари сделал то же самое с шифрованной депешей, полученной им с тем же курьером.

Мне не хватает слов, чтобы выразить Вам чувство благодарности, которое охватывает меня при новых знаках внимания, которыми император удостоивает нашу несчастную страну. Она воспользуется плодами этого, если князь Ливен, на основании Ваших указаний и при поддержке со стороны графа Матушевича², убедит своих коллег разделить мнение о конференции в Поросе³.

Мы были бы еще раз спасены, если бы нам удалось выиграть время. И турки дадут его нам, заблуждаясь в отношении своего положения, как это неизменно с ними бывало, начиная с 1821 г. Все то, что мне сообщают из Смирны, Сиры и других мест, доказывает, что Порта никогда не согласится принять посредничество на условиях, поставленных Лондонским договором, и тем более на условиях, предложенных трем дворам * конференцией в Поросе.

Каковы бы ни были поправки, которые пожелают собравшиеся в Лондоне уполномоченные внести в план умиротворения, составленный в Поросе, всегда найдется что-нибудь, из-за чего Порта от него откажется и она будет отказываться до тех пор, пока от нее будут упорно добиваться путем убеждения того, на что любое правительство в мире соглашалось всегда только под воздействием несокрушимой силы либо оружия, либо обстоятельств. Речь французского короля дала мне возможность угадать ход мыслей английского короля, и я не опасаясь более за результаты Лондонской конференции. Но я опасаясь, во-первых, происков французов и англичан, которыми кишмя кишит Греция, а, во-вторых, полного истощения наших финансов.

У меня нет достаточно секретарей, чтобы приложить к этому копии писем, которые я ныне отправляю по поводу упомянутых печальных дел графу Поццо-ди-Борго⁴ и князю Ливену. Тем не менее я прошу г-на Рибопьера сообщить Вам о них и даже направить Вам копии, которые он получит.

Мы существуем в настоящее время за счет экономии в средствах при расходовании миллиона, предоставленного в мое распоряжение императором в августе 1827 г. Я не знаю, что буду делать, когда иссякнет этот источник.

* Т. е. России, Англии и Франции.

Если заем будет заключен, то по нему можно будет получить только через четыре или пять месяцев. Пусть император сжалится над ними и предоставит средства на этот период. Тем временем я стараюсь поддержать здоровый дух, свойственный массам, и граф Булгари помогает мне всеми средствами.

По моей просьбе он только что прислал мне официальную бумагу, в которой сообщает о благожелательном отношении его императорского величества к пожеланиям, выраженным в моей записке от 30 октября (11 ноября) 1828 г.

Это сообщение произвело магическое действие. Положение преданных своей родине должностных лиц упрочилось благодаря миллионам, которые предоставит нашей казне заем. Интриганы сбиты с толку и начинают серьезно задумываться. Если после молнии раздастся гром, результаты будут налицо. А этот спасительный гром представляет собой звонкую монету.

Мне пишут из армии, что турки уходят из Ливадии в то время, как Кютахы назначенный великим везирем, готовится к отъезду, намереваясь прибыть в лагерь со своими основными приближенными. Наиболее знаменательным является тот факт, что головы, которые Кютахы распорядился срубить по приказу султана, вызвали гражданскую войну в Албании, и можно почти ручаться, что он получит лишь немного солдат из этого питомника храбрецов.

Нам еще неизвестно, что заставило генерала Адамса⁵ направиться в Янину. Если он не уплатит везирию значительную сумму, то прибудет в лагерь в сопровождении лишь небольшого числа солдат*.

Я прошу Вас простить меня, дорогой граф, за сбивчивость этого письма. Я диктую его наспех и меня ежесекундно прерывают из-за дел, которые волнуют мое сердце накануне отправления в Навплию. Я намереваюсь совершить поездку по Пелопоннесу и встретиться с генералом Мэзоном⁶. Возможно, что эта встреча устранил те препятствия, с которыми, если это делать в письменной форме, видимо затруднительно справиться с помощью силы разума.

Благоволите, г-н граф, передать императору выражение моей глубокой благодарности и преданности...

Каподистрия

АВПР, ф. Канцелярия, 1829 г., д. 2128, л. 24—26. Подлинник на французском языке.

№ 3

Депеша К. В. Нессельроде М. П. Булгари о согласии русского правительства оказать финансовую помощь Греции

Петербург, 31 марта 1829 г.

Г-н граф,

Депешей от 5 декабря прошлого года Вам было поручено известить г-на графа Каподистрия о непреодолимых обстоятельствах, которые вынудили императора отсрочить присылку новых субсидий, испрашиваемых в пользу Греции, а также о намерении его императорского величества принять во внимание эту просьбу в тот момент, когда состояние императорской казны не будет этому препятствовать. Поскольку успех нашего займа в Голландии создал более благоприятную обстановку, император в связи с этим соизволил лично вспомнить о любезных обещаниях, которые были даны через Вас. Его величество соизволил ныне предоставить в распоряжение президента Греции помощь в размере 1 миллиона рублей, и я спешу направить при сем документы на эту сумму, обращаясь к Вам с просьбой доставить их немедленно ему наиболее надежным способом.

Его величество, движимый великодушной заботой о благосостоянии Греции, не пожелал ограничиться этой помощью, предназначенной для удовлетворения наиболее срочных нужд Греции.

* Так в тексте документа

Послы в Париже и Лондоне только что получили вторичное указание приложить все силы, чтобы добиться принятия обоими кабинетами проекта займа на сумму в 60 миллионов под общей гарантией и довольно благоприятные намерения, уже проявленные по этому поводу министерством его величества короля Франции позволяют нам надеяться на то, что эти новые усилия не останутся напрасными.

Его императорскому величеству слишком хорошо известны благородные чувства, которые воодушевляют президента Греции, чтобы не потерять уверенности в том, что президент Греции найдет в постоянной заботе России и благожелательном отношении союзных кабинетов мощное поощрение и новые силы для осуществления важной задачи, которую он выполняет с такой самоотверженностью и мудростью.

АВПР, ф. СПб Главный архив, I—1, 1816 г., л. 61—62. Подлинник на французском языке.

№ 4

Письмо И. Каподистрии К. В. Нессельроде в связи с противодействием Англии воссоединению исконно греческих территорий

Эгина, 12(24) мая 1829 г.

Дорогой граф, Ваше письмо от 31 марта (12 апреля) прибыло ко мне в тот момент, когда я отправлял адмиралу депеши, которые Вы получите сегодня. Оно влило бальзам в мою душу. Даже неприятная беседа с Даукинсом⁷ не испортила моего настроения. Помощь, посылаемая нам императором, и новые свидетельства его благоволения и сочувствия, столь любезно проявляемые ко мне и трогательное выражение которых я нашел в Вашей депеше от 31 марта, воскрешают все мои надежды и побуждают меня ожидать решения нашей судьбы от успехов войск его императорского величества. Провидение нам поможет и в этом, как оно нам всегда помогало. Несмотря на всевозможные препятствия, мы занимаем нашу пограничную линию в Западной Греции. Будем надеяться, что нам позволят сохранить наши позиции в Аттике и занять некоторые позиции на острове Эвбея. Тогда у нас будет очень хорошее положение, чтобы содействовать со своей стороны заключению соглашения с турками, если, однако, достижение какого-либо соглашения путем переговоров стало возможным.

Я уже не говорю Вам о несчастном острове Кандии⁸. Статус-кво на нем сохраняется лишь чудом, чему я стараюсь содействовать, оказывая небольшую помощь несколькими кораблями, которые появляются время от времени у этого острова, и еще более слабую помощь хорошими советами. С ним станет то, что пожелает господь.

Граф Булгари удручен своим несчастьем. Он находится в Аргосе, и я сомневаюсь, что он сможет Вам направить письмо с этим курьером. Поэтому я прошу адмирала послать г-ну Рибопьеру копию моей переписки с г-ном Даукинсом. Г-н Рибопьер в свою очередь даст указание снять с нее копию и направить Вам.

Если Англия заставит нас снять блокаду с Аттики и Эвбеи, если она вынудит нас вывести свои войска из континентальной Греции, то я больше не отвечаю ни за что, так как тогда воцарятся анархия, беспорядок, пиратство и только лишь иностранная армия сможет восстановить в Греции порядок. Я высказал подобное убеждение в ясных и определенных выражениях как г-ну Даукинсу, так и г-ну де Вальми⁹, которые отправились для встречи с послами в Милос. Будьте уверены, дорогой граф, что, с другой стороны, я учитываю все аспекты нынешнего затруднительного положения и сделаю все от меня зависящее, чтобы не ухудшить это положение или не сделать его более опасным. Я воспользуюсь курьером адмирала, чтобы написать князю Ливену и графу Поццо-ди-Борго. Я даю и тому и другому такие же заверения и весьма горячо рекомендую им великое дело о займе. Маршал Мэзон, который вскоре будет в Париже, окажет покровительство этому делу. Он покинул нас, будучи весьма довольным Грецией и, осмелюсь даже сказать, ее правительством. Мы договорились друг с другом таким образом, что, не делая ему никаких больших уступок, я его вполне удовлетворил. Его голос принесет нам возможно несколько друзей в палате и в министерстве.

Я не знаю, что предпримет граф Булгари. Если он решит воспользоваться отпуском, который соблаговолил предоставить ему император, то его преемник делает все возможное в период исполнения его обязанностей. Но меня утешает известие о том, что г-н де Рибопьер будет осуществлять высокое руководство всеми связями Вашей миссии с греческим правительством.

Это письмо застанет Вас в Варшаве. Я в своих мыслях и чаяниях как бы присутствую на торжественной церемонии, которая должна состояться в этой столице. Точно так же я мысленно слежу и желаю благополучия императору в его поездке на границы Силезии. Нижайше передайте ему, дорогой граф, выражение моей глубокой благодарности и умолите его продолжать оказывать покровительство нашей несчастной стране.

Каподистрия

АВПР, ф. Канцелярия, 1829 г., д. 2128, л. 44—45. Подлинник на французском языке.

№ 5

Письмо И. Каподистрии К. В. Нессельроде о дипломатическом давлении западных держав на Грецию

Навплия, 25 мая (6 июня) 1829 г.

Господин граф,

Эту депешу берется доставить до Мальты г-н граф Булгари. Он покидает нас в момент, когда его присутствие, его советы и его сотрудничество нам были бы как никогда необходимы. Как только он сможет рассказать Вашему превосходительству о том критическом положении, в котором он оставил эту страну, Вы получите точное представление о всех моих сожалениях в связи с его отъездом. Однако, его здоровье настолько ухудшилось и ослабло, что, продолжив добровольно свое пребывание в этой стране, он только поставил бы себя в такое положение, при котором он не смог бы быть нам полезным.

Хочу надеяться, что путешествие и другой климат ускорят его выздоровление и что, раскрыв перед глазами императора истинное положение вещей в Греции, он добьется для нас неизменного продолжения покровительства и благоволения со стороны е. и. величества. Это самая большая и самая главная из тех услуг, которые может нам оказать г-н граф Булгари.

Чем более нам угрожают успехами, которыми гордится дипломатия, при виде завершения своих усилий в Константинополе, чем более пытаются обескуражить нас демаршами столь произвольными, как, например, демарши г-на адмирала Малькольма¹⁰ и г-на капитана Спенсера, тем больше Греция надеется на справедливость и мощь императора и тем тверже становится моя решимость неизменно следовать той линии поведения, которую я себе наметил.

Я не сделаю никакой уступки, которая была бы несовместима с моими обязательствами, и в то же время приложу все силы, чтобы избежать осложнений и смягчить раздражения, которые непременно вызовет твердость со стороны греческого правительства, если ему по-прежнему будут направлять высокомерные требования в надежде заставить его взять на себя ответственность, которую навлекло бы на него поспешное выполнение той или другой статьи протокола от 22 марта¹¹. Эта задача чрезвычайно трудна, но с божьей помощью и при покровительстве императора я осмелюсь заявить о том, что смогу ее выполнить.

Документ *, прилагаемый под литерой А, является, г-н граф, дополнением к труду, о котором я имел честь сообщить Вам депешей от 12 (24) мая. Я посылаю такое же сообщение г-ну де Вальми и г-ну Даукинсу, но я прошу г-на графа Булгари лично направить его г-ну графу Поццо-ди-Борго и г-ну князю Ливену.

* Не публикуется.

Если исполненные почтения замечания, которые содержит моя записка, заслужат одобрения императора, благоугодно, г-н граф, незамедлительно дать указания посланцу его величества при союзных дворах.

Господин адмирал Малькольм недавно стал на якорь в Эгине и только что вчера вечером нанес мне визит. Ваше превосходительство узнает через г-на графа Гейдена о конфиденциальном письме, которое он мне вручил. Оно никоим образом не согласуется с тем письмом, которое написал адмиралу Миаулису¹² капитан Спенсер. Один ссылается на распоряжения своего двора, другой на единодушное решение трех кабинетов. Адмирал говорит в первом, что он не признает никакой морской блокады и не санкционирует никакого военного передвижения со стороны Греции; комендант «Мадагаскара» ограничивается просьбой, чтобы торговые корабли под ионическим или английским флагом имели свободный доступ в Амброкский залив.

Я обратил внимание г-на адмирала Малькольма на различные оттенки, которыми отличаются его требования от требований капитана Спенсера, а также г-на Даукинса, и я не преминул поставить его в известность о невозможности для правительства Греции удовлетворить их, поскольку они не были согласованы и правительству не было направлено никаких аналогичных требований ни от его коллег адмиралов, ни от дипломатических агентов Франции и России. Сэр Пултней Малькольм смог ответить на мои замечания лишь ссылками на полученные им распоряжения и на то значение, которое он придает своему участию в деле установления мира в Греции. Мы расстались в наилучших, насколько это возможно, отношениях друг с другом. Он сразу же поднял паруса, чтобы направиться в Смирну для встречи с г-ном Гордопом¹³, и я не сомневаюсь, что в связи с информацией, которую он сможет дать последнему, он побудит его разделить свои убеждения в том, что греческие корабли снимут блокаду, которую им поручено осуществлять, только уступив какой-либо непреодолимой силе.

Таковы действительные инструкции, которые я дал г-ну адмиралу Миаулису и другим комендантам греческих морских постов. Не имея в своем распоряжении архивов, я вряд ли смогу приложить копию инструкций к этому письму, что я желал бы сделать. Адмирал Малькольм, покидая Эгину, оставил на берегу г-на Штокмара, доверенное лицо его королевского высочества принца Кобургского. На следующий день этот агент попросил у меня аудиенции, заявив, что у него имеется письмо от принца.

Под литерой В я прилагаю копии этого письма, копии моего ответа и посланного с ним меморандума*. Эти документы освобождают меня, господин граф, от необходимости входить во все утомительные подробности, чтобы довести до Вашего сведения содержание обеих бесед, которые я имел с г-ном Штокмаром. Принцу не было известно 24 марта об акте от 22 марта. Он предполагал таким образом, что лондонские переговоры призывают Грецию в соответствии с договором от 6 июля¹⁴ участвовать в выборе главы, который должен будет править ею. Он предполагал, что нынешнее временное правительство возможно сделает ему предложения на этот счет. Поскольку эти предположения полностью противоречат фактам, миссия г-на Штокмара не достигла своей цели. Я считаю, однако, примечательным, что г-н Штокмар во время своей поездки на борту «Азии» от Наварина до Эгины ничего не узнал ни об акте от 22 марта, ни о содержащихся в нем положениях. Как бы то ни было, меморандум, который я вручил этому агенту, излагает полностью мои убеждения. Ни время, ни политические комбинации, ни личность избранного в будущем монарха ни в коем случае не изменят мои убеждения и, следовательно, я не поколеблюсь их обнародовать, если не зависящие от меня обстоятельства потребуют этого.

Я позволю себе сделать лишь одно замечание по этому важному вопросу. Если выбор принца Кобургского мог бы облегчить выполнение пожеланий, изложенных в моей записке, если то предпочтение, которое ему оказали бы два других двора, могло бы убедить британский кабинет в чистоте и великодушии их намерений относительно будущего Греции, я осмелился бы считать, что этот выбор возможно

* Не публикуются.

устранит трудности, которые могут стать непреодолимыми, если только войска императора не устроят их раз и навсегда под стенами Константинополя.

Я заканчиваю эту депешу просьбой к Вашему превосходительству предоставить г-ну графу Булгари возможность информировать о всех мотивах, которые побудили меня упорствовать в решении созвать к концу июня Национальный Конгресс. Конечно, в нынешний момент этот созыв явится тяжелым испытанием и возможно даже опасным. Однако, будучи убежденным в том, что это испытание необходимо, я без колебаний решился его пройти вместе с народом. Чистота чувств, воодушевляющих этот прекрасный народ, прямота моих намерений и моя вера в господа бога дают мне основание надеяться на то, что результаты окажутся благотворными для моей страны и будут отвечать пожеланиям, которые я возымел относительно ее будущего.

Прошу Вас, господин граф, принять уверения в моем высоком уважении.

Каподистрия

АВПР, ф. Канцелярия, 1829 г., д. 2128, л. 55—58. Подлинник на французском языке.

№ 6

Письмо И. Каподистрии русскому дипломатическому агенту в Греции В. Н. Панину с благодарностью русскому правительству за финансовую помощь

Эгина, 22 апреля (4 мая) 1830 г.

С бесконечной благодарностью получил я 8 векселей на сумму 77 178 рублей 13 копеек, которые его императорское величество благоволил предоставить в мое распоряжение с целью облегчить страдания, которым еще подвержена наша страна.

Благодаря щедрости е. и. в. многие семьи, вынужденные ранее молить о куске хлеба, теперь зарабатывают его трудом, и я верю, что сумма, хранителем которой меня сделало е. и. в., не может быть лучше использована, чем на создание нескольких школ совместного обучения или одной центральной школы.

Благоволите, г-н граф, передать вашему августейшему монарху выражение моей глубокой благодарности, а также сообщить о том, как я намереваюсь использовать его новое благодеяние.

Примите и прочее

АВПР, ф. Миссия в Афинах, д. 60, л. 91. Копия на французском языке.

№ 7

Письмо К. В. Нессельроде И. Каподистрии о благожелательном отношении России к молодому греческому государству

Петербург, 25 июня 1831 г.

В течение некоторого времени мы обмениваемся между собой, дорогой граф, лишь жалобами, не имея возможности сообщать друг другу какие-либо удовлетворительные вести. Те вести, которые Вы мне передали в письмах * от 6 мая, весьма печальны и главное весьма тревожны в отношении Вашего здоровья. Однако я так же как и Вы, дорогой граф, внутренне убежден в том, что провидение, которое призвало Вас спасти Грецию, видит и одобряет Ваши усилия и что оно Вас будет поддерживать до конца, вопреки действиям людей и событиям.

Я ничего не сообщу Вам нового, если повторю и на сей раз, что сочувствие, благожелательность и покровительство императора Вам навсегда обеспечены и что,

* Не публикуются.

поскольку он постоянен как в своих чувствах, так и в политике, то ни помехи, ни враждебные демонстрации не смогут побудить его допустить искажения договора от 6 июля и последующих актов во имя выгод той или иной державы. Мы должны признать необходимость отложить решение греческого вопроса ввиду европейского кризиса, сигнал к которому дало падение Карла X¹⁵. Но справедливости ради следовало бы признать, что ни эта отсрочка, ни какие-либо другие позитивные данные до сих пор не доказали нам существование плана, выработанного Францией и Англией с целью создать в Греции гибельное для нее и враждебное для России положение вещей. Франция и Англия могут и должны быть единодушны лишь в одном: в стремлении помешать России осуществлять исключительное влияние на судьбы Греции, но сам императорский двор абсолютно не желает подобного преобладания. Если он и имел его раньше, когда Греция была лишь Османской провинцией, то император великодушно и быть может беспримерно в анналах политики отказался от этого в тот день, когда он выразил согласие на образование в этой стране свободного государства, управляемого наследственной властью. Правда, Англия со своим флотом и благодаря обладанию Ионическими островами, а Франция со своими демагогическими воззрениями, которые легко можно посеять в Греции, смогут оказывать то самое влияние, от которого отказалась Россия. Но здесь, дорогой граф, мы вступаем в область будущего и, конечно, в нынешнее время человеческое предвидение не может похвастаться тем, что оно способно устранить будущие случайности или предотвратить все несчастья, которые народ может навлечь на себя либо из-за своих собственных ошибок, либо из-за своей относительной слабости.

Но возвратимся к настоящему, дорогой граф. При сем Вам направляется в копии одна из последних депеш наших полномочных представителей в Лондоне о демаршах, которые они недавно предприняли с целью направления совместной угрожающей инструкции, а также об оплате процента в 1 500 000 франков по займу. Обе эти меры произведут тот эффект, которого Вы как будто более всего желаете в настоящий момент, т. е. они продемонстрируют наличие союза и идентичность его взглядов на Грецию и ее правительство. Однако, читая Ваши письма и видя, что Вам грозит крайняя нужда, император пожелал опередить решение союзников и предоставил Вам возможность как можно скорее получить помощь для удовлетворения ваших наиболее неотложных нужд. В связи с этим его величество только что разрешил мне направить Вам самым быстрым способом сумму, равную завещанной Варваки в пользу греческой молодежи и секвестрированной здесь прямыми наследниками покойного¹⁶.

Как бы ни был несправедлив этот процесс, он должен, однако, пройти через различные инстанции обычным путем юстиции. Таким образом необходимо было специальное распоряжение его величества и гарантия со стороны правительства по отношению к прямым наследникам до того, как вышлатить эту сумму. Я выхлопотал то и другое и посылаю ныне указание нашему посланнику в Константинополе направить Вам с легким судном миллион турецких пиастров. Пусть это поможет Вам, дорогой граф, остановить дезорганизацию Вашей маленькой и беспокойной армии до тех пор, пока для нас не прояснятся европейские дела, и мы не сможем решительно высказаться по вопросам, касающимся Вашей страны.

Не позволяйте себе отчаиваться из-за притязаний и интриг иностранных агентов и главное, не думайте, что они всегда действуют по указаниям своих правительств. Совсем недавно мы наблюдали как один посол в Константинополе поступил еще хуже, взял на себя ответственность советовать войну лишь для того, чтобы понравиться господствующей по его мнению партии, которой он хотел услужить, вопреки указаниям своего правительства. Нет ничего удивительного в том, что дипломаты в Навплии, хорошо зная о благоприятном отношении к Вам нынешних кабинетов и о выраженном союзниками намерении поддержать в этот период Ваш авторитет, желают тем не менее Вашего удаления от дел, дабы оказывать на того или тех, кто Вас заменит, влияние, которое польстило бы их самолюбию и выдвинуло бы их на первое место в глазах их правительств. Именно этим я объясняю поведение упомянутых лиц и считаю, что они потерпят поражение ввиду Вашей твердости и мудрости Ваших мероприятий. В этих целях Вам оказывал и будет оказывать содействие наш поверенный в делах, которому мы на днях дали указание

согласовать с Вами официальное заявление, которое он должен сделать непокорным приматам и другим досаждающим Вам злоумышленникам... *

До свидания, дорогой граф, регулярно извещайте нас о себе. И если это возможно, сообщайте хорошие вести о состоянии здоровья. Что же касается Вашей страны, то Вы, конечно, разделяете мое мнение, что, войдя в семью европейских стран, Греция вынуждена со своей стороны терпеть неприятности и несчастья, которые часто обрушиваются на эту семью и ныне более чем когда-либо.

Я вновь выражаю Вам, дорогой граф, уверения в моей старой и неизменной дружбе.

АВПР, ф. Канцелярия, 1831 г., д. 54, л. 121—127. Подлинник на французском языке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Рибоьер А. И.* — бывший русский посланник в Константинополе, находившийся в период русско-турецкой войны 1828—1829 гг. в Греции.

² *Ливен Х. А.* и *Магусевич А. Ф.* — русские дипломатические представители в Великобритании.

³ Имеется в виду конференция представителей России, Англии и Франции по греческому вопросу, происходившая с июля по декабрь 1828 г.

⁴ *Поццо-ди-Борго К. О.* — русский посланник во Франции.

⁵ *Генерал Адамс* — лорд-комиссар Ионических островов.

⁶ *Генерал Мэзон* — командующий французским экспедиционным корпусом в Греции.

⁷ *Даукинс* — английский дипломатический агент в Греции.

⁸ Так в тот период именовался остров Крит.

⁹ *Де Вальми* — французский дипломатический агент в Греции.

¹⁰ *Адмирал Малькольм* — командующий английской эскадрой в Средиземном море.

¹¹ Имеется в виду русско-английский протокол от 22 марта (4 апреля) 1826 г., согласно которому Россия и Англия обязались предложить султанскому двору свое посредничество при решении греческого вопроса на основе предоставления Греции полной внутренней автономии.

¹² *Адмирал Миаулис* — командующий греческой эскадрой.

¹³ *Гордон* — английский посланник в Константинополе.

¹⁴ По договору от 6 (18) июля 1827 г. Франция присоединилась к русско-английскому протоколу 1826 г.

¹⁵ Имеется в виду революция 1830 г. во Франции.

¹⁶ Речь идет о наследстве богатого греческого купца, проживавшего на юге России.

* Опущена часть документа, не имеющая отношения к теме настоящей публикации.